Цзян Куй
И был мне сон

Стихи

Перевел с китайского
Сергей Торопцев

16+

Сергей Торопцев

Цзян Куй. И был мне сон. Стихи. Перевел с китайского Сергей Торопцев

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Торопцев С. А.

Цзян Куй. И был мне сон. Стихи. Перевел с китайского Сергей Торопцев / С. А. Торопцев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Цзян Куй (1155-1221) – поэт, музыкант, каллиграф. Лирик с трагедийным мироощущением. Его основные мотивы любовь и странничество. Его стихи – непроявленные сны; реальность – лишь то, в чем существует его поэтическое Я. Поэзия неотрывно сливается с музыкой в эмоциональном взрыве, это исповедальность, форма речи, эманация – и как выплеск души, и как проявление Универсума. Поэтический язык изобилует уходящими вглубь коннотациями, метафорами, эвфемизмами, с подтекстом, в метареальности сливающим придымленные образы со сферой личного.Для обложки использована картина художника Чжэн Чанфу из личного собрания переводчика.

© Торопцев С. А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Китайские названия стихотворений 36

С.Торопцев. Магия снов Цзян Куя

Цзян Куй (1155-1221) – один из тех творцов, которых история постоянно передвигает с одного пьедестала на другой. В интеллектуальных кругах своего времени он был достаточно известен, весьма уважаем и даже вместе с другим поэтом той же тональности Чжоу Банъянем составил особую группу «Чжоу-Цзян» (китайская культурология всегда любила классифицировать художников). Его очень ценил, при всем различии их художественных стилей, крупный поэт Синь Цицзи, и они постоянно обменивались стихами.

В то же время изощренность поэтического языка заставляла относиться к Цзян Кую с некоторой опаской и искать тому причину даже в неких эзотерических слоях. Например, обращали внимание на его имя: иероглиф, состоящий из более чем двух десятков черт, крайне труден для запоминания и написания, а в мифологии Куй – одноногий бык, бог грома, сотрясающего землю, и это, считалось, не могло не проявиться в личности и творчестве поэта.

Проникнуть в глубину стихов Цзян Куя не так-то просто. Их не легко воспринимают даже носители языка. Словарно они не столь уж трудны, но поэтический язык с уходящими вглубь коннотациями, обилием метафор, эвфемизмов, с подтекстом, связывающим затуманенную образную систему стихотворения со сферой личного, – скрыт от беглого взгляда.

Быть может, для академического издания требовался бы иной, культурологически более педантичный, перевод, но художественный вариант, каким является данный сборник, рассчитанный на широкие слои любителей поэзии, не выдержит тяжести комментариев к многослойности коннотаций Цзян Куя. Это – некая «метапоэзия», к которой продираешься с помощью серьезной комментаторской литературы, чтобы «услышать» поэта, погрузиться в его мир. Освободиться от магии слов и войти в магию снов. В итоге некоторые «написанные» элементы речи преобразуются в совершенно иные – «услышанные» и «почувствованные» элементы.

Из пройденного по этому ухабистому тракту и сложились эти заметки – не исследование, а впечатления переводчика, очарованного кружевами стиха. Это начальный абрис поэта и его творчества. Он нужен, ибо в России Цзян Куй известен несопоставимо мало для грандиозности его поэзии.

В Китае стихи Цзян Куя всегда включали во всевозможные престижные общие антологии («300 стихотворений», «100 стихотворений») и в то же время утверждали, что он «не реализовал свою потенцию», подчеркивали неудачи на императорских экзаменах, не позволившие ему занять ступень в чиновной иерархии (а лишь на этой основе прежде всего и оценивалась личность), презрительно именовали *цинкэ*, то-есть приживалом в богатых домах.

В 20 веке в школьной программе присутствовало единственное стихотворение – «К востоку от реки есть град» на мелодию «Янчжоумань» (вы найдете его в этом сборнике), одно из немногих, где намечен социальный мотив. «Социофилы» вовсе отвергали Цзян Куя за избыточность личного, навесив осуждающий ярлык «эстета», а «гуманоиды», наоборот, приветствовали, хотя и с осторожностью, поскольку в конфуцианской ментальности личность должна прежде всего обладать гражданственностью, отодвигая частное на периферию самоидентификации.

В эпоху Цин (17-20 вв.) появились утверждения: «Лишь к периоду Южных Сун стихи *цы* обрели отточенную форму, и выделялся Цзян Куй». А на грани 21 века в провинции Хубэй создали Народное общество изучения Цзян Куя, ему стали посвящать научные исследования, и не только в Китае: в 1999 г. в Мюнхене Франк Краушаар защитил диссертацию по поэзии Цзян Куя.

В России смотрели на Цзян Куя «конфуциански». В небольшом абзаце московской энциклопедии уже 21 века «Духовная культура Китая» его поэзия была определена как лидер «настроений благодушия и беззаботности» в обществе, тогда как «стихов, подобных знаменитому описанию разоренного войной города Янчжоу, у него мало, большинство посвящено любви и путевым впечатлениям» (какова формулировка! – эдакий турист). Активным внима-

нием российских переводчиков он был обделен, так что данный сборник – первая широкая панорама его поэзии (45 стихотворений – более половины сохранившегося наследия).

Цзян Куй – поэт эпохи Южная Сун (1127-1279), музыкант, каллиграф, достигший незаурядных высот во всех этих сферах творчества. Подлинный лирик с трагедийным мироощущением.

В бесконечной земной круговерти
тебе сто лет лишь дано до смерти,
и те накрыла печали тень.

Он родился на юго-востоке страны близ озера Поянху, окутанного таинственными мистическими легендами о пропавших судах и спасшихся безумцах. Вероятно, этой аурой, красотой и простором оно сказалось на творчестве Цзян Куя – эстетизмом и психологически насыщенными мотивами странничества. Судьба не проявила благосклонности к нему. Рано потеряв и мать, и отца, мелкого чиновника провинциального уровня, он в 14 лет переехал в небольшое поселение на территории современной провинции Хубэй, где жила старшая сестра с семьей. С 1174 г. по 1183 г. четыре раза участвовал в императорских экзаменах, но безуспешно – ему явно недоставало канонического конфуцианского образования. А эти провалы не позволили войти в чиновную иерархию, к чему он очевидно стремился (в 1197 г. заставил себя сочинить 2 ритуальных мелодии для императорского двора, но на поэта не обратили внимания; через 2 года повторил попытку, получил специальное разрешение вновь участвовать в экзаменах – и вновь безрезультатно!). И он оставил мысли о карьере.

Когда его ханчжоуский покровитель Чжан Цзянь предложил купить ему должность (такое практиковалось вполне легально), Цзян Куй гордо отказался, сочтя этот путь постыдным. Но шрамы в душе, несомненно, остались, хотя и не столь глубокие, чтобы найти прямое отражение в творчестве. Как, например, у Лю Юна, который в аналогичной ситуации утешал себя:

…поэт в холщовом платье – он, быть может,
ничем не хуже важного вельможи.

И Цзян Куй всю жизнь так и проходил в «холщовом платье», не поднявшись по социальной лестнице ни на ступеньку. Когда в 1221 г. он умер, лишь пожертвования друзей позволили похоронить его – скромно, без почестей. Небольшой холмик в Ханчжоу остался безымянным и затерялся в веках.

Собственно, творчески он и обществу отвечал тем же. По произведениям Цзян Куя создается впечатление, что поэт был в высокой степени интровертен. Хотя по его стихам (точнее, авторским предисловиям к ним) круг общения рисуется достаточно широким, но свою душу он поверял строкам и мелодиям, и этот поэтический «мир сна» существовал вне реальности, хотя и просматривается, размытый дымкой. Тонко чувствующие поэты ощущали «стеклянную стену», окружавшую Цзян Куя, как бы человека «не от мира сего». Фань Чэнда считал его человеком иного времени, назвав «эстетом периода Цзинь-Сун» (4-5 вв.) – того периода военно-политических смут и художественного «украшательства», о котором Ли Бо отозвался так:

А с завершеньем времени Цзяньань
В узорах слов и вовсе гибнет смысл.

Но именно в эту эпоху был заложен ментальный дуализм интеллектуалов: на службе они выступали как строгие конфуцианские «благородные мужи» социальных страт, после нее выхо-

дили из канонических нормативов в даоско-буддийскую вольницу индивидуализма. Впрочем, подобного дуализма у Цзян Куя не было, его мир оставался цельным.

Отчаявшись обрести официальную социализацию, Цзян Куй ступил на путь странничества, и его подлинным домом стал одинокий челн, неспешно покачивающийся на ряби волн:

Мерзлым багрянцем осень осыпала пруд,
тучкой летучей по свету скитаюсь прочь.
Волей чужой я оказался тут…

Но именно из этого объективно складывалась та параллельная судьба Цзян Куя, которая опиралась не на некую преходящую ступень социальной иерархии, а на Небом данный талант, возносящий в Вечность. В 1185 г. он задержался в Хунани, где познакомился с авторитетным в те времена поэтом Сяо Дэцзао и так пришелся ему по душе, что тот выдал за нищего поэта свою племянницу. Но главное – ввел в созвучный интеллектуальный мир, познакомил с поэтами Фань Чэнда, Лу Ю, Ю Мао, Ян Ваньли. Последний прозорливо понял, что Цзян Куй создан для поэзии и «не может не писать» – что-то вроде «ни дня без строчки» (правда, сегодня мы имеем лишь 84 стихотворения Цзян Куя, но, возможно, справедливо предположение, что спаливший в 1204 г. более 2 тысяч домов катастрофический пожар в Ханчжоу, куда тогда переселился поэт, уничтожил основную часть его рукописей).

В 1186 г. тестя перевели в Хучжоу (совр. пров. Чжэцзян), и поэт с женой поехали вслед за ним, где и основали свой семейный очаг. Цзян Куй больше десяти лет прожил в местности, называвшейся Обителью Белого камня, и к нему прилепилось прозвание Даоса Белого камня.

Но Цзян Куй не мог усидеть на одном месте. И дело не в «охоте к перемене мест», а в том, что у него не было заработка. Он продавал свои свитки, музицировал в богатых домах. Но это было не постоянным, а спорадическим доходом, и он, отчаявшись, бродил по стране в поисках покупателей и покровителей.

По свету странствовал немало…
И что осталось?
От грусти кисть устала.

Так было суждено Небом. Ибо в страданиях странствий он обрел не только признание, не только семью, но и то мистическое чувство, которое измеряется не земными ценностями, – он встретил свою Прекрасную Даму, свою Лауру. Ту, для которой он и воплотился в облике поэта, ту, которая сотворила его творчество, ту, которая вдохновляла его духовно даже после того, как они расстались физически (в мире его поэзии эта физическая разлука мало что изменила).

Встреча произошла в 1186 г. в городе Хэфэй (совр. пров. Аньхуэй). Где-то (домашний концерт, дружеская пирушка – летопись не зафиксировала) он услышал двух сестер, профессиональных певичек. Его, музыканта, как громом поразило (Куй, бог грома, встрепенулся!). Это было абсолютное созвучие его собственной эстетике.

У моста с красными балясинами, где жили сестры, в порывах весеннего ветерка чутко трепетали ивы, и они вошли в его поэзию, в его музыку, оставшись там навеки. Считают, что девушек прозывали Лю (Ива), и это стало метафорой, одной из центровых его насыщенно метафорического поэтического языка. Конечно, метафорой весны, трепета, порыва… Но прежде всего – метафорой грусти, томления, провидения неизбежного конца и неземной нетленной любви. В китайских комментариях я прочитал, что Цзян Куй даже радость воспринимал, как «угасающий старец». И эта хэфэйская страсть тоже была пропитана горечью завтрашней разлуки – так, как будто она уже наступила сегодня. Еще роман был в разгаре (1186 год), а он печалился: «*От грусти кисть устала*». В первых произведениях любовного цикла писал не

столько о встречах, сколько о разлуках. Если встречи и радовали когда-то, то эта радость уже растворилась в тоске. Приезжал в Хэфэй, уезжал из Хэфэя, и всякий отъезд был «последним», и его обволакивала пустота.

В дремах смутных не раз
мы встречались, в ладони ладонь.
А в прошедшей ночи без тебя был мне сон,
одинок, я слонялся устало,
не заметив, как стало
ледяным одеяло.

В 1191 г. роман завершился. Вокруг мерцали фигурные фонарики, бушевало веселье наступившего Нового года, а душу поэта расколол шрам разлуки, и на возвратном пути из Хэфэя в плохо топленом подворье он набросал странный стихотворный диалог расстающихся влюбленных. Стихотворный, но не слишком поэтичный, несколько вымученный. Цзян Куй даже не стал сочинять мелодию, взял готовую и написал на ее размер свои слова. «Она» и «он»: диалог; она – простовата, он – утончен. Вероятно, на излюбленном языке эвфемизмов Цзян Куй пытался убедить себя в интеллектуальном диссонансе между собой и «Ивой», в неизбежности и рациональности разлуки. Метафоры плоские, поверхностные. В двух сталкивающихся речевых потоках с нажимом рисуются два противоположных характера, у которых как будто бы нет ничего общего. Пересеклись на пути и разошлись столь же случайно.

Но и через 3 года после разлуки, когда ранняя весна распушила дерева, он, исполненный печали не скудеющих воспоминаний, написал новую мелодию о щебечущих иволгах, и у другого моста в сливовом саду в поэтический текст вдруг вторгается не ожидаемая читателем ива.

И 6 лет спустя его стихи были нагружены все той же печалью воспоминаний о счастливых свиданиях, ушедших в прошлое. Чувство, владевшее поэтом, было не поверхностным, а глубоким, проникшим в творческие слои его личности. Вечным – пережившим физическое существование Цзян Куя и оставшимся в его музыкальных *цы*. Быть может, он и хотел оборвать связь, но она вышла за пределы частных желаний, обернувшись Универсумом поэтичности. Практически вся метафорическая и эвфемистская система поэзии Цзян Куя связана с образом возлюбленной.

Возможно, именно в психологии творчества следует искать ответ на загадку, обозначенную комментаторами: почему три женщины (жена; хэфэйская возлюбленная; *Сяохун*, «Краснулька», юная певичка, подаренная ему поэтом Фань Чэнда в знак восхищения мелодиями, которые написал гостивший у него Цзян Куй) столь разно отразились в его песнях.

Жена вовсе не появляется в строках (не потому, что «так не было принято», жены часто становились объектом творчества таких высоких поэтов, как Су Ши, Лу Ю); «Краснулька» – лишь в стихах жанра *ши*; «Ивушка» – героиня трети всех произведений жанра *цы*, написанных Цзян Куем.

Будем считать женитьбу мезальянсом, хотя тесные связи с ее родней говорят о близком контакте, да и в одном романтичном блоге упоминается такая, увы, не документированная, деталь душевного благородства этой женщины: она поехала в Хэфэй к возлюбленной мужа и, покоренная ее талантом и обаянием, предложила ей официально стать его наложницей и переехать в их дом. Этот же романтичный блогер, и опять не документированно – но столь созвучно идеализированному образу «Ивушки», – завершил тему трагичным финалом: возлюбленная поэта бросилась в воду у моста с красными балясинами, ибо земной союз дисгармонировал с возвышенностью их отношений.

Этот союз мог существовать лишь в музыкально-поэтическом жанре *цы*, и каждое произведение цикла написано кровью сердца.

«Краснульку» же Цзян Куй упоминал лишь в стихах жанра *ши* – строго формализованной поэзии, лишенной тех не ведающих границ эмоциональных выплесков, которые характерны для *цы*.

А самовыражение Цзян Куя, поэта и музыканта, в максимальной степени выявлялось именно в *цы* – музыкально-поэтических произведениях с неразрывностью текста и мелодии.

Его произведения в жанре *цы* – не картина мира, не объяснение мира, а существование собственного Я в декорациях внешнего мира, разговор с самим собой, исповедальность, форма речи, эманация – и как частный выплеск души, и как проявление Универсума, в чем поэт выступает как проводник, а его Божественная Любовь – как детонатор. Оформленный словами текст *цы* – это своего рода ритуальное песнопение, а короткое предисловие дневникового характера, которыми сопровождается большинство произведений (порой не менее поэтичное, чем само стихотворение), – попытка привязать возвышенный текст к конкретному и реальному личному событию, как бы «опустить его на землю». Во внешнем мире Цзян Куй ищет проявление самого себя, а не находя, отгораживается от материального, уходит в сны, пишет о духовном. Если, например, для Лю Юна отношение к любви иронично и является элементом игры, то Цзян Куй относится к любви с глубокой тоской и бережностью. Возникает ощущение, что он в каком-то трансе и в состоянии обрести возлюбленную лишь духовно, но не как живого человека.

Или его любовь – чувство и вовсе не земное? Назвал же нашего влюбленного поэта известный философ, филолог, историк Ван Говэй – «бессердечным» (*у-цин*). Этим словом в китайской поэзии обычно безотрадно характеризуют Небо, не обращающее внимание на страдания человека, или удаляющихся в облака перелетных птиц, не несущих весточки от любимой. Не то ли это «отсутствие чувств», позволяющее иве каждую весну возрождаться, из года в год вновь зеленеть?

Я многих повидал на свете,
но не походит человек
на ивы павильона эти.
Будь чувства им даны,
сумели бы они за веком век
остаться зелены?

Возражая слишком категоричному Ван Говэю, современные исследователи, вооруженные формулами школы Фрейда, относят нервический тип Цзян Куя к патологическому, определяя его в сегодняшних терминах как «нарциссическое расстройство личности», концентрирующейся на внутренних переживаниях, игнорируя посторонний внешний мир. В какой-то мере неполноценная реализация в социальной сфере, которая могла вызвать самоуничижение, привела поэта к переоценке собственного нравственного потенциала.

Сам поэт в стихотворении «Цветка прелестного нет боле у эстета» четко разделил свой мир на реальную и иррациональную сферы – бытие и сновидения. В первой – Она исчезает, во второй – приходит во сне. Его любовь не вынесла тяжести материального и потому прервалась, оставшись в иррациональности видений.

В стихах Цзян Куя мало материальной конкретики, существующей «в себе». Он видит окружающее как декорацию для собственного Я. Взгляд поэта концентрируется на своем Я: собственных чувствах, собственном бытии (включая и реалии, однозначно соединенные с поэтическим Я, – типа сандалий на деревянной подошве), но выражено это крайне туманно. Мир в его поэзии насыщен чувственностью и воспринимается синестезически – в соединении далеких, преимущественно студеных, знобких характеристик: «мерзлый багрянец», «хладный аромат». *Лэн* (холодный) – излюбленное состояние предмета или человеческих отношений в поэ-

зии Цзян Куя, и «мерзлый багрянец» – не столько живописный, сколько психологический мазок в общую картину.

Всё забылось,
все стихи весны той милой.
Но приводят в изумленье
эти призрачные тени,
хладно-пряно заползая в зал.

Исследователи характеризуют его поэзию определениями *цин-кун* (чистота горного ручья и пустота – та высокая пустота, которая освободилась от лишнего, преходящего) и *сао-я* (благородство). Слияние этих двух характеристик формирует особый стиль, позволяющий выделить поэзию Цзян Куя в самостоятельное направление, отличное от других художественных школ. Порой лишь предисловие к стихотворению дает возможность привязать поэтическую мысль, скутанную вуалью романтичной дымки, к жизни поэта. Не будь этих предисловий, большинство произведений воспринимались бы лишь как непроясненные сны. Его любовная лирика темна и туманна («цветок, полускрытый дымкой», по характеристике Ван Говэя).

Собственно, стихи и были снами, вернее, сном – единым, не повторявшимся, а продолжавшимся, возникшим еще до физической встречи с хэфэйской возлюбленной и не прервавшимся после их физического расставания. Это как бы «метапоэзия» Цзян Куя, ее высший слой, поэзия о поэзии.

Выйти из этого сна он не хотел и не мог.

Задумавшись, вина роняю чашу,
бездонно небо, но туманны мысли.

Так написал Цзян Куй в некрологическом стихотворении на смерть друга, поэта Фань Чэнда. И это – очевидная самохарактеристика.

Переводчик не может не выразить искреннюю признательность Н.Е.Боревской – жене, другу и первому редактору этих переводов.

К востоку от реки есть град.

Мелодия «Янчжоу мань»

В день солнцестояния года бин-шэнь периода чунь-си[1] *я проезжал через Янчжоу. После ночного снегопада прояснилось, и далеко простирались поля и луга. В городе было пустынно, бирюзовым блеском отливала стылая вода, вечерело, тоскливо звучали гарнизонные рожки. Перемены в городе привели меня в уныние, и я сочинил эту мелодию. Почтенный Цяньянь*[2] *увидел в ней скорбь «Песен царской столицы»*[3].

К востоку от реки есть град,

---

[1] 1176 г. Янчжоу: город на территории совр. пров. Цзянсу. Название стихотворения в жанре цы складывается из: название мелодии+первая строка/или оригинальное название.

[2] Цяньянь: прозвище поэта Сяо Дэцзао, дяди жены Цзян Куя.

[3] «Там просо склонилось теперь к бороздам […] Кто пыль запустенья разнёс по стране?». («Шицзин», раздел «Песни царской столицы». Пер. А.А.Штукина).

в бамбуках павильон и тракт,
там ям стоял, где всяк слезал с коня,
промчавшись по весне десятки *ли*
сквозь трав цветущих зеленя.
Но с той поры, как варвары пришли,
лес гибнет, и заилен пруд,
война уж всем осточертела тут.
Спускается закат,
в холодной тьме рожки звучат.
Таков теперь опустошенный град.

И чуткий Ду[4],
явись сюда, узрел бы тут беду,
о Кардамончике тех милых строк
он написать бы уж не смог,
и о домах веселых тоже.
Десятка два мостов еще стоят, быть может[5],
да растревожена волна,
луна бледна, и тишина.
Пионы у моста еще алеют тут,
но для кого за годом год они цветут?

У стены обветшавшей.

Мелодия «Иэхун»

В День человека года бин-у[6] я гостевал в Чанша[7] и осмотрел резиденцию помощника правителя области. У подножия стены, с западной ее стороны, где из мглы бамбуковой рощицы посверкивали золотистые искорки кумкватов[8], прихотливо извивался пруд, обвитый тропой. Сад резиденции зарос сливовыми деревьями с цветками, похожими на душистый перец или на бобы, и ветви чуть колыхались, сплетая красное с белым. В своих сандалиях на деревянной подошве я с наслаждением шлепал по мшистым каменьям, и вдруг мне захотелось взойти на курган с древней кумирней Дин-вана, а потом пересечь реку Сян и подняться на вершину Юэлушань. Река Сян подо мной неторопливо катила свои волны, и неизъяснимая грусть нахлынула на сердце. Вот тогда я и написал это стихотворение.

У стены обветшавшей
кущи слив затаились в тиши,
а бутоны юны, их сорвать не спеши.
Пруд покрыла шуга,
снега талого шапки,
и плывут, и плывут тяжело облака.
Зелен мой посошок,
с ним иду по тропе сквозь бамбуки,
мой веселый смешок
птиц срывает в испуге.

---

[4] Поэт 9 в. Ду Му служил в Янчжоу; упоминаются два его стихотворения «На прощанье» («Тринадцать ей, и не найти нежней – / Бутончик кардамона нераскрытый») и «Раздумья».

[5] 24 моста – давняя достопримечательность Янчжоу, один из них именовался Пионовым.

[6] 1176 г. Янчжоу: город на территории совр. пров. Цзянсу. Название стихотворения в жанре цы складывается из: название мелодии+первая строка/или оригинальное название.

[7] Город в совр. пров. Хунань.

[8] Небольшие плоды рода цитрусов.

Так бредет старичок
вдоль журчащего родничка,
а с кургана – зовут века.

Что мне в этих полдневных, полночных пределах?
Бесприютен, как тучка над чуской волной,
в дымке даль, и печаль овладела душой.
А окрест петушками красны ворота[9],
и касатка уже прилетела,
я ж один и грущу, и кругом – пустота.
Не забыть, как с тобой
нас под дивной луной
плети ивы плакучей
укрывали, как тучей.
Чтоб вернуться туда, я взнуздал бы коня,
да, боюсь, уж уходит весна.

Стихи о красных сливах в Таньчжоу.

Мелодия «Сяо чуншань лин»

Я шел вдоль берега, луна спустилась.
Средь кособоких слив
уныло.
Чем объяснить, что я весной тосклив?
Ветрило
развеет дух цветов, мне милых.

Уж боле нет ни встреч былых, ни чаек,
цветы уйдут, оставив мне печали,
неясный сон,
плач бедных дев[10], туманный горный склон,
где кровь любовных мук
окрасила бамбук[11].

Посетить хотел я пять озер.

Мелодия «Сян юэ»

Кормчий из Чанша[12] Ян Шэнбо жил у реки Сян, и из окна ему открывались чарующие виды, напоминающие картины Янь Су и Го Си[13]. Шэнбо пригласил меня вместе с Чжао Цзинлу, Цзинваном[14], сродниками Сяо Хэ, Юем, Ши, Гуном[15] полюбоваться луной с реки Сян в новолуние седьмого месяца года бин-у[16]. Мы вышли на стремнину, от воды веяло прохладой, сквозь дымку пробивалась луна – настоящая осень. Все гости были тепло одеты, в шапках, кто перебирал струны цинь, кто напевал, кто прикладывался к чаше, кто сочинял стихи. А я

---

[9] Традиционные новогодние картинки, которые наклеивают на двери и ворота.

[10] Когда на горе Цзюи (пров. Хунань) был похоронен легендарный император Шунь, кровавые слезы его жен Э-хуан и Нюй-ин пали на зеленые ветви, и в тех краях стал расти пятнистый бамбук; в горе они бросились в реку Сян, по берегу которой идет поэт.

[11] Написано в 1186 г. Таньчжоу – современный г.Чанша (пров. Хунань).

[12] Город на территории совр. пров. Хунань.

[13] Художники конца 10-начала 11 в.

[14] Соседи.

[15] Родственники жены поэта.

[16] 1186 г.

написал эту мелодию – чуть переделанную «Няньнуцяо» – и напевал в стиле шуандяо. Кто владеет бамбуковой дудкой, сумеет исполнить ее.

Посетить хотел я пять озер,
минул год, а это не свершилось,
ждут меня красоты до сих пор.
Днесь, лишь тьма сгустилась над вершиной,
улыбнулось счастье мне –
прогуляться на челне.
Сети сушат рыбаки,
птицы спят в своих гнездовьях,
лунный луч улегся на пески.
Безмятежна гладь реки,
волновать веслом ее не стоит.

Как нам вызвать фею сих глубин
с непокорною копной
и скорбящею струной[17]?
Мудрствовали так
гости на бортах,
умники, таланты, как один.
И шуршали ветви в темноте,
и летели звезды с высока,
ночь ждала от осени вестей…
А сейчас бы – окунька
и других домашних прелестей.

В Сян проводил Ху Дэхуа.

Мелодия «Ба гуй»

Духмяный лотос пал, и с ветки
платан листок роняет редкий,
дождь моросящий стих под вечерок.
Вдруг пригрустнулось что-то, светлячки
из тьмы мигают мне сквозь бамбучки,
во мху ступеней щелкает сверчок.
Гость мой сокрылся в западную даль.
Кто ж музицирует тебе на лютне?
Усугубив печаль,
там, на вершине смутной
кукушка голосила бесприютно.

Так грустно, что не долги наши встречи!
Ах, для чего же ветер
опять нас лепестками разметал?
Туманы на воду осели,
челнок уходит вдаль,
как жухлый лист осенний.
Твоя Вэньцзюнь[18] выходит за порог

[17] Жены легендарного государя Шуня, бросившиеся в реку Сян, умели играть на струнном инструменте *сэ*.

[18] Верная жена поэта Сыма Сянжу. Намокший чулок: образ долгого ожидания в росистой ночи.

в бамбуки, и чулок совсем промок.
Вот ты вернешься, вместе
отведав доброго вина,
под звень хрустальных штор окна
до света налюбуетесь на месяц[19].

В подпитии бродил, ветрами полн.

Мелодия «Хуань си ша»

Я жил у старшей сестры в Шаньян, что в районе Мянь[20]. Слева виднелось озеро Байху, справа – Юньмэнские топи, и на тысячи ли раскинулся весенний разлив. К горизонту уходили сохлые травы, кое-где обнажались остывшие за зиму пески. А по осени года бин-у[21] мы с племянником Анем брали лодку и собирали водяные орехи, а то занимались ночным ловом или же раскидывали бамбуковые садки. Тешили душу сочинением стихов на горных тропах, но, умолкнув, отчего-то унывно замирали в бескрайних просторах.

В подпитии бродил, ветрами полн,
следил, как сокол пал на сохлый дол.
Под вечер душу истерзала мука.

Иссохнув, ты вверяешь грусть струне,
в тревожном сне кручинясь обо мне.
Не надо было торопить разлуку.

Необозримо распахнулась даль.

Мелодия «Нишан чжунсюй ди-и»

В год бин-у[22] я остановился в Чанша[23] и поднялся на пик духа огня Чжужун[24]. Там-то и прочувствовал мелодии «Хуандиянь» и «Сухэсян», обращенные к духам. […] Странник, я невольно проникся их грустью.

Необозримо распахнулась даль,
где пали лотосы, а мне возврата нету.
Недугов несть числа, я духом пал,
не нужно мне шелковых опахал,
пора сменить одежды лета.
Дня жизни мимолетен свет,
и под стропилами
залетных ласточек уж нет.
Так где ж ты, милая?
На штору лунный луч проник,
и мнится – это милый лик.

Трещат сверчки,
забившись в уголки,
напомнив мне юйсиневы стихи[25],
сплетающие нить тоски.

---

[19] Написано в 1186 г. Сян: древнее название территории в совр. пров. Хунань. Имя адресата не идентифицировано. Мелодию «Ба гуй» («Восемь возвращений»: термин лодочников – типа «плыть на все четыре стороны») сочинил Цзян Куй.

[20] На территории совр. пров. Хубэй.

[21] 1186 г. Одно из первых упоминаний возлюбленной из Хэфэй.

[22] 1186 г.

[23] Город в пров. Хунань.

[24] Самый высокий из 72 пиков Хэншань, одной из 5 священных гор даосов.

[25] Юй Синь: лирический поэт 6 в.

О, вы, скитаний давних тени,
на горных тропах плач свирели
под ивы сенью.
Все минуло, все лепестки слетели
на гладь реки,
сверкавшей бирюзой.
Я обездолен,
чего же ждать мне боле?
Лежу хмельной, и лишь кувшин со мной[26].
На жухлых травах – дымка грусти.
Мелодия «Таньчунь мань»

В детстве у меня была мечта послужить в древнем Мянь[27], в те края и сестру выдали замуж. Когда вырос, лет двадцать наезжал туда, и не только потому, что любил сестер и племянников. А зимой года бин-у[28] почтенный Цяньянь[29] пригласил меня прогуляться по рекам Тяо и Чжа. Конец года грозил снегом, так что я даже хотел было отказаться от поездки. А эту мелодию написал, прощаясь с друзьями Чжэн Цыгао, Синь Кэцином, Яо Ганчжуном.

На жухлых травах – дымка грусти,
закат сошел в вороньем грае,
песчаные воронки ветер крутит.
Бывало, в теплом малахае,
беспутен, гарцевал в Чжантае[30],
сбивая плетью комья снежной мути.
По свету странствовал немало…
И что осталось?
От грусти кисть устала.
Здесь, на челне, – давнишние друзья,
им душу отворить сумею я.

Так мало встреч! Разлук сплошная мука.
И в павильоне меж бамбуков[31]
не удержал слезы тоски.
Спят гуси на притихшем плесе,
уходят рыбаки,
и старцам отдых тут совсем не весел.
Ну, что же… Над рекой луна
к востоку хочет
направить путь челна.
Когда еще нам встреча суждена
в смятенье слив весенней ночью?
Над пустыней луна холодна.
Мелодия «Цуйлоу инь»

---

[26] Мелодия периода Тан «Нишан юйи» («Радужное платье с перьями») была переработана Цзян Куем и названа «Нишан чжунсюй ди-и» («Радужное платье. Интерлюдия №1»).

[27] Территория у города Ханьян, пров. Хубэй.

[28] 1186 г. Мелодию «Таньчунь мань» (Неспешная мелодия о встрече с весной) сочинил Цзян Куй.

[29] Дядя жены.

[30] Чжантай: квартал веселых домов в древнем Чанъане.

[31] Достопримечательность Янчжоу.

Зимой года бин-у[32] *периода чунь-си*[33] *в Учане*[34] *была возведена башня Аньюань. Мы с Лю Цюйфэем и еще несколькими приятелями участвовали в церемонии ее открытия, и я написал эту мелодию. Через десять лет я снова приехал в Учан, и приятель рассказал мне, что как-то, пришвартовав лодку на отмели Попугаев*[35]*, услышал, как юная певичка поет мою давнюю мелодию. Это умилило меня в моем нынешнем одиночестве.*

Над пустыней луна холодна,
тихий град окружает стена,
царской милостью нынче гулять дозволяют народу[36].
За стеною распелась зурна,
кочевая муз***ы***ка слышна
из шатрового свода.
Башня взмыла к небесному свету,
парапетом багряным одета
до стрехи изумрудного цвета.
Там полно чаровниц,
нарумяненных лиц,
шелестит ветерок до рассвета.

В месте этом
оказаться и должно поэту,
на святом журавле снизойдя с поднебесья
для забавы со всеми вместе.
С башни яшмовой вижу вдали,
что душистые травы легли
протяженностью в тысячи *ли*
до небесной границы…
Ритуальным вином можно горечи смыть,
поумерить в цветах свою прыть.
А за склоном заката
сумрак скрылся куда-то,
и вот-вот прояснится.

В шутку – Чжан Чжунъюаню.

Мелодия «Мэй у»

В плакучих ивах сад ночной,
затянут берег мхом.
Чтоб больше не страдать тоской,
ты ускакал в веселый дом,
где ждет за пологом двойной вуали
Фэйянь[37] пленительная в зале
и чаши, полные вина.
Услышав страстные напевы,

---

[32] 1186 г. Мелодию «Цуйлоу инь» (Песенка о зеленом тереме) сочинил Цзян Куй, а предисловие написал через 10 лет. Зеленый терем: эвфемизм понятия «публичный дом».

[33] Девиз правления сунского императора Сяо-цзуна с 1174 г. по 1189 г.

[34] Город в пров. Хубэй.

[35] На реке Янцзы недалеко от Учана.

[36] С древних времен в Китае существовал запрет на скопление более чем трех человек; запрет снимался лишь по чрезвычайным поводам, в данном случае – празднование 80-летия отца императора.

[37] Императорская наложница 1 в. до н.э., метоним красавицы.

ты тут же возжелаешь деву.
В руке – рука,
сердца взмывают в облака,
и ночь не так уж холодна.

Страсть ненасытна,
но вдали – разлуку видно.
И, башмачок прижав к груди в отчаянье,
ты сочинишь душистое посланье.
Пока не прозвучит назавтра гонг прощальный
с причала,
страсть утолить весны пьянящей поспеши.
Когда покроет землю алым,
придет печаль души,
и даль сокроет мга.
А если руку вновь найдет рука,
в бескрайность волн
умчит вас вместе челн[38].

Мерзлым багрянцем осень осыпала пруд.

Мелодия «И вансунь»

Мерзлым багрянцем осень осыпала пруд,
тучкой летучей по свету скитаюсь прочь.
Волей чужой я оказался тут.
В муках любовных пут,
сирый *луань,* вопияю за ночью ночь[39].

Пара уточек в заводи.

Мелодия «Синхуа тянь ин»

В конце года дин-у[40], зимой, я отплыл из Мянькоу[41] и на второй день первого месяца года дин-вэй[42] достиг Цзиньлина[43]. Смотрел на север – и думал о Чу[44]. Стоял чудный день, и я поставил парус, чтобы продолжить путь по волнам.

Пара уточек в заводи тенью зеленой одета.
Милый персик мой, где ты?
Ты звала, ты стояла на берегу.
С пухом ивы, весна, унеси к ней мою тоску!
Не спешу,
прислонясь к гребку,
еще миг подожду.

До Цзиньлина в пути
все звенело чивиканьем птиц,
видно, воды реки

---

[38] Написано в 1186 г., посвящено другу из Усин (древнее название г. Хучжоу, совр. пров. Чжэцзян).

[39] Написано в период любовной связи с певичкой из Хэфэй (1186-1191). Луань – мифический феникс-самец.

[40] 1186 г.

[41] Поселение около г. Ханькоу (пров. Хубэй).

[42] 1187 г. Старую мелодию «Синхуа тянь» («Дни цветения миндаля») Цзян Куй переработал и назвал ее «Синхуа тянь ин» (Тень дней цветения миндаля).

[43] Современный Нанкин.

[44] Древнее название территории в пров. Хубэй.

знали горечь моей тоски.
Плесы все заросли, будет трудно вернуться назад,
день уходит в закат.
Поплыву-ка туда…
Но куда?!
Написал зимой года дин-вэй, проезжая через Усун.
Мелодия «Дянь цзянчунь»
Гуси, естеством своим влекомы,
пролетают над Великим озером сквозь тучи,
а под ними, пригрустнувши, кручи
обсуждают дождь ночной да громы.

Под мосточком я бы у ключа
поселился с Безыскусным[45] рядом.
Где-то он сейчас?
О былом я вспомнил у ограды,
где трепало иву листопадом[46].
Как ласточка, легка.
Мелодия «Та со син»
Покинув Мянь, я поплыл на восток и к новогоднему празднику года дин-вэй[47] достиг Цзиньлина. Из сна на реке родилось стихотворение.
Как ласточка, легка,
как иволга, звонка –
такой в мой сирый сон вошла она.
«Поймешь ли, милый, ночь без сна – долга?»
«Любовь приходит раньше, чем весна».

Когда мы врозь, строка
нас единит, как нить с иглой,
летишь ко мне из дали – сна душой.
Над кряжем Хуайнань[48] луна бледна,
мрак беспросветен, ты совсем одна.
На кушетке холодок.
Мелодия «Си хунъи»
На кушетке холодок,
книги, *цинь* – и день истек,
обессиленным проснусь,
освежит лишь ручеек
или дыни сладкой кус.
А кувшинчика-то нету[49]!
Кто ж придет проведать
сирого поэта?

---

45 Литератор 9 в. Лу Гуймэн по прозвищу Тянь Суйцзы (Следующий Небу, Природный, Безыскусный) жил в г. Усун (пров. Цзянсу) близ Ганьцюаньцяо (Моста сладкого источника). Великое озеро: Тайху.

46 Стихотворение написано в 1187 г.

47 Начало 1187 г.

48 Территория к югу от реки Хуайхэ, где в городе Хэфэй жила возлюбленная поэта.

49 Аллюзия к поэту Ду Фу, которому сосед передавал кувшин через стену.

Тишь да гладь…
Лишь цикада и дает понять,
что давно уж миновало лето.

Насыпь, радугой мосток,
зыбь, и ветерок душист,
жухнет лотосовый лист.
Пришвартую здесь челнок,
край желанный так далек.
Ивы тут совсем другие,
не пройтись в зеленой сени.
Ах, когда ж теперь смогу я с милой
насладиться красотой осенней[50]?

Весна омыла ветви, ночь дождлива.

Мелодия «Хуань си ша»

В год цзи-ю[51] жил я в Усин[52]. В завершающую ночь Праздника фонарей в доме не усидишь, и я позвал Юй Шанцина[53] пройтись. Вот что мы увидели

Весна омыла ветви, ночь дождлива,
о том, о сем беседуем. Прохладно.
По улицам бредем неторопливо.

В мерцанье фонарей душе отрадно,
поют свирельки до рассвета ладно.
Ну, как уйти! Ветра шуршат по сливам.

Плеск весел.

Мелодия «Пипа сянь»

…Это есть только в Усин[54]! По весне на озера и реки выплывает столько лодок, что и Сиху с этим не сравнится. В год и-ю[55] мы с племянником Сяо Ши, прихватив вина, отправились за город покататься на лодке. Вернувшись, я написал эту мелодию.

Плеск весел… Дева – словно
зазноба из былого,
мой персик из давнишних песен[56].
От пуха ивы отстранилась мило,
а взгляд ее пленительно чудесен…
Весна уже куда-то скрылась,
вся отмель – в зеленях,
и загрустила
кукушка на ветвях.

---

[50] Мелодию «Си хунъи» (Сочувствую алым лепесткам) Цзян Куй сочинил в 1187 г.

[51] 1189 г.

[52] Древнее название города Хучжоу (совр. пров.Чжэцзян).

[53] Друг поэта, в районе озера Сиху он соорудил себе домик из сосновых бревен и называл себя «Анахоретом зеленой сосны».

[54] Древнее название города Хучжоу (пров. Чжэцзян). На его южной окраине раскинулось озеро Тайху.

[55] 1189 г. Мелодию «Пипа сянь» («Святой с лютней») сочинил Цзян Куй.

[56] Это как раз тот, весьма яркий, случай, когда пришлось отказаться от дословности, которая прозвучала бы так: «Тао-гэнь, Тао-е из квартала песен». Два имени – жена художника 4 в. Ван Сяньчжи и ее сестра; «квартал песен» – топоним более позднего, уже танского времени, обозначающий городской квартал проживания гетер. Но иероглифы этого топонима могут быть также прочитаны как «(мои) старые песни», а в именах главное – это слово «тао» (персик), и в глубоком подтексте слышится намек на милую сердцу возлюбленную, которой он посвящал свои песни.

Янчжоу, град Ду Му,
сошел во тьму[57],
и чт***о*** мне в этих давних днях!

Опять ночами
я зрю свечу сановного окна[58],
во тьме, в печали
грущу, как быстротечны времена.
Плод этих благостных моих сомнений
падет, как лист на праздные ступени.
Плакучей ивы плети
в ночи сокрыли врана,
испить пора нам
вина в сей снежной круговерти[59]…
Воспоминанье накатило,
как я у врат прощался с милой.

Что дама из столицы.

Мелодия «Чжэгу тянь»

Вот что я увидел на реке Тяоси[60] осенью года цзи-ю[61].

Что дама из столицы, вся такая…
Кой ветер ее бросил в глушь реки?
В утиных туфлях[62] тонкие чулки –
как будто ниспарила к нам святая.

Улыбка алая
и аспидная бровь.
Весны прекрасной с кем разделит новь?
Без селезня никто не бродит павою.
Иль это фея лунных облаков?

Принарядилась я.

Мелодия «Хуань си ша»

На 24-й день первого месяца года синь-хай[63] покинул Хэфэй

«Принарядилась я, да не сложился вечер,
твой челн остановить я не смогла,
и ты опять завел разлуки речи».

«Как ивам не дрожать! Ночь холодна.
Зол ветер – нежным уткам не до сна!
Да не волнуйся так – зовут дела…».

Заутренний рожок певучий.

---

[57] Аллюзия к стихам поэта 9 в. Ду Му, взгрустнувшего, что завершилась его служба в г. Янчжоу (пров. Цзянсу).

[58] В канун весеннего праздника Цинмин три дня традиционно не разрешалось зажигать огонь, но император мог даровать своим сановникам милость зажигать свечу.

[59] Традиционный образ летящего пуха с ив и тополей.

[60] Впадает в озеро Тайху, пров. Чжэцзян.

[61] 1189 г.

[62] Женские туфли с тупыми загнутыми носами.

[63] 1191 г. Письмо прощания с возлюбленной из г. Хэфэй. Выстроено как диалог с разными стилистическими акцентами: она говорит прямо, он – с эвфемизмами.

Мелодия «Даньхуан лю»

Я гостевал к западу от моста с красными балясинами в южной части Хэфэя[64]*, на улице было холодно и безлюдно, не то, что в Цзяннани. Сочувствуя придорожным ивам, я и сочинил эти строфы, чтобы утешить скитальца.*

Заутренний рожок певучий
летит по городу меж ив плакучих.
Взгрустнулось что-то, зябну налегке верхом.
Любуюсь нежной зелени пушком,
я с ним на юге был уже знаком.

В сей горней т***и***ши
рассвет встречаю без горячей пищи[65]
и вновь с вином
вхожу в тот милый дом.
Глядишь, и груша опадет, бело – что осень.
Касатка прилетит и спросит:
весну девали-то куда?
Ведь зеленеет лишь лазурь пруда.

Я вновь взнуздал коня.

Мелодия «Цзе ляньхуань»

Я вновь взнуздал коня,
но долгий вздох остановил меня,
недавнее прощанье всплыло.
Одна струна
стенала с вешней силой,
другая ныла,
что гусь заблудший над водою стылой.
Она, как ива, трепетала,
и растерялась,
и растрепалась.
«Тогда вы были с опахалом,
а я за пологом стояла», –
чуть отвернувшись, прошептала…

Ночное небо прояснилось,
на сем свиданье завершилось –
легко и просто.
Когда опять?
Вотще я указал на розу
и на ручей меж гор –
не потечет он вспять.
И вот – заезжий двор,
печально,
я вспомнил ширму в ее спальне…
Осталась лишь одна
полночная луна,

[64] Мелодию «Даньхуан лю» (Ива в рассветных лучах) Цзян Куй сочинил в 1191 г. в Хэфэй (пров. Аньхуэй).

[65] Три дня перед весенним праздником Цинмин запрещалось разжигать огонь.

светящая тебе сквозь сирость сна[66].

Помню, в лунных бликах.

Мелодия «Ань сян»

Зимой года синь-хай[67] я, невзирая на снег, отправился к Каменистому озеру[68] и провел там целый месяц. Затворник Каменистого озера ждал от меня новых мелодий. Я сочинил две – «Ань сян» (Незримый аромат) и «Шу ин» (Призрачные тени). Хозяин восхитился гармонией музыкального лада и даже заставил двух домашних певичек[69] спеть их.

Помню, в лунных бликах
у цветущей сливы
часто флейтой тихой
милую игриво
призывал я выйти, хоть и было стыло…
Я теперь Хэ Сюнем[70] старым стал,
всё забылось,
все стихи весны той милой.
Но приводят в изумленье
эти призрачные тени,
хладно-пряно заползая в зал.

У воды
плотный сгусток тишины.
Я б послал своей любви цветы,
да в ночи пути заметены.
Падает в бокал слеза тоски,
молча мне сочувствуют цветки.
Волн Сиху не позабыть разлив,
тени слив
и твою ладонь – в моей руке.
Лепестки летят, летят, летят,
исчезая вдалеке…
Встретимся ль опять?

Бусинки цветков на мшистой сливе.

Мелодия «Шу ин»

Зимой года синь-хай[71] я, невзирая на снег, отправился к Каменистому озеру[72] и провел там целый месяц. Затворник Каменистого озера требовал от меня новых мелодий. Я сочинил две – «Ань сян» (Незримый аромат) и «Шу ин» (Призрачные тени). Хозяин восхитился гармонией музыкального лада и даже заставил двух домашних певичек спеть их.

Бусинки цветков на мшистой сливе,
дремлют птички на ветвях

---

[66] Написано в 1191 г. после прощания с возлюбленной в Хэфэй. Название мелодии взято из летописного сюжета об императоре Цинь Шихуане и образно означает «разрешить трудную проблему».

[67] 1191 г. Мелодию «Ань сян» (Незримый аромат) сочинил Цзян Куй.

[68] Шихай: озеро к юго-западу от Сучжоу, где стоял дом поэта Фань Чэнда, который называл себя Затворником Каменистого озера.

[69] Одну из них (Сяохун) Фань Чэнда преподнес Цзян Кую, и та ненадолго утешила тоскующего после расставания с хэфэйской возлюбленной поэта.

[70] Поэт 6 в., известный своими стихами о цветении слив.

[71] 1191 г. Мелодию «Шу ин» (Призрачные тени) сочинил Цзян Куй.

[72] Каменистое озеро (Шиху): к юго-западу от Сучжоу, там стоял дом поэта Фань Чэнда, который называл себя Затворником Каменистого озера.

сиротливо.
Вспомнил я тебя в чужих краях –
у высокого плетня
молча провожаешь вечер дня.
Так же Чжаоцзюнь[73] в той северной глуши
вспоминала юг свой милый.
Словно слышу плач ее души,
может быть, она в ночной тиши
поспешила
низойти в сей сад уединенной сливой.

Вот совсем иных времен принцесса,
что вздремнула чуть, и лепесток
лег на бровки, будто мотылек[74].
Видно, этот ветерок-повеса
равнодушен к красоте. Другие
строят ей палаты золотые.
Нежный лепесток потоком будет смыт,
и, печаля слух,
воспоет его жалейкою пиит.
Ну, а время минет –
сладкоструйный дух
возродится кистью на стенной картине.

Снежные хлопья редкие.

Мелодия «Юймэй лин»

Эту мелодию сочинил Затворник Каменистого озера[75], но без слов, и он попросил меня написать их. К югу от дома, за рекой, в саду, прозывавшимся «Поместьем Фаня», зацвели сливы, на них ниспадали снежинки, в бамбуковом дворике стояла тишина. Фань Чэнда знобило, он не решался выходить из дома, и я исполнил для него эту мелодию.

Снежные хлопья редкие
припорошили в саду ручеек[76],
холодок
поселился в беседке.
Дивные сливы стонут,
злюке-весне пеняя.
Сливовые бутоны
благоухают.

Выйдешь с гостем, быть может,
к этим бодрящим сливам?
Своей красою умножат
уходящие силы.
Нас согреет хмельной глоток,

[73] Древняя императорская наложница, отправленная к северным варварам в гарем.

[74] Предание о принцессе Шоуян, на лоб которой во время сна ветерок занес сливовый лепесток, после чего красавицы стали подводить брови по форме лепестка.

[75] Прозвание поэта Фань Чэнда. К его мелодии «Юймэй лин» (Песенка о дивных сливах) Цзян Куй написал текст, когда в 1191 г. гостил в доме больного друга.

[76] Образ опадающих белых лепестков сливы.

а снежок воспоем в стихах.
Так и пройдет денек
в вихревых лепестках.

Духмяный ивы пух.

Мелодия «Чантин юань мань»

Духмяный ивы пух
сметает ветер вдруг,
раскрыв над каждой крышей
листвы зеленой нишу.
Размыла темень дальний брег,
в смятенье парус мой – куда направить бег.
Я многих повидал на свете,
но не походит человек
на ивы павильона эти.
Будь чувства им даны,
сумели бы они за веком век
остаться зелены?

Спустилась мгла,
и ею город спрятан,
лишь за скалой виднеется скала.
Я ухожу, как Вэй когда-то,
оставив перстень милой,
чтоб не забыла[77]
и об одном
молила: «Возвратись поране,
я, твой бутон,
одна – совсем завяну».
Боюсь, что и бинчжоуские клинки[78]
не перережут нить моей тоски[79].

Ты шла ко мне, о, дева вертограда.

Мелодия «Дянь цзянчунь»

Ты шла ко мне, о, дева вертограда,
склонялись ивы, славили свирели,
и даже птиц окрестных трели
любовным стали разливаться ладом.

Рождаются и гибнут луны,
я не Лю Чэнь и не останусь юным[80].
Ах, хуайнаньские края,
вернусь ли к вам когда-то я?
Иные травы там в лугах проклюнут[81].

---

[77] Летописный сюжет о Вэй Гао (8 в.), который оставил жене перстень, чтобы помнила, но в срок не вернулся, и она умерла.

[78] Бинчжоу: округ на территории совр. пров. Шаньси, где изготавливали особо острые кинжалы.

[79] «Чантин юань мань» («Грустная мелодия в придорожном павильоне»») Цзян Куй сочинил в 1191 г. после разлуки с возлюбленной.

[80] Отшельник, который, по легенде, встретил на горе фею и пробыл у нее полгода, а вернувшись домой, обнаружил, что там прошло время семи поколений.

[81] Написано в 1191 г., когда Цзян Куй уже навсегда покинул Хэфэй.

За шторой старой.
Мелодия «Цю сяо инь»
За шторой старой –
ясное светило.
А я во тьме, в тиши сижу устало.
Сверчок поет уныло,
кап-капает клепсидра где-то там,
рассветная заря близка.
Прохлада ветерка
по травам веет,
росинки воспаряют к облакам.
И мысль грустнеет,
как будто я покинул край родной
и челн мой скутан предвечерней мгой.

Ремень на поясе все туже,
дней вереница
уныло к старости стремится.
Моя Вэй-нян[82], где ж ты опять?
Сун Юй[83] твой возвратится вспять,
теснее души вчуже.
До срока облетел прибрежный клен,
распался наш союз,
истаял тайный сон.
Довольно!
Слеза на платье капнула невольно.
Ах, что за ночь! Не исчерпать мне грусть[84]!

Осенний ветер треплет тополя.
Мелодия «Цилян фань»
Улицы в Хэфэй засажены ивами, и осенними вечерами они шуршат на ветру. Я гостевал там и прислушивался к стуку копыт, время от времени врывавшемуся в дом. За городом все поросло сорными травами, на них лежала дымка. Было грустно до невозможности. Вот я и написал эти строки…
Осенний ветер треплет тополя[85],
граничный город погружен в печали.
Ржет чей-то конь в полях,
неся скитальца в дали,
звучат дозорные рожки.
Душа моя полна тоски,
тем паче что трава суха, желта.
Тогда
все так же было – в те года,

[82] Императрица 1 в. до н.э., в поэзии – образ обольстительной красавицы.
[83] Поэт 3 в. до н.э., считался одним из «10 красавцев древности»; здесь это самоназвание Цзян Куя.
[84] Мелодию «Цю сяо инь» («Песнь об осенней ночи») Цзян Куй сочинил осенью 1191 г. после прощания с возлюбленной из Хэфэя.
[85] Это разночтение текста и предисловия (ива, тополь), вероятно, вызвано необходимостью благозвучного сочетания в поэтической строке.

когда войска бежали сквозь пески[86].

А мысль моя уходит на Сиху,
к тем тихим песням, к челноку
и к предвечернему цветку.
Где вы, сопутники былые?
Все изменилось,
цветы – унылы.
Черкнуть бы что-то на халате[87]
и с гусем вам весной послать бы,
да только в этой суете,
боюсь, не встретимся нигде[88].

Хуан Цинчан, плывя ночью по Зеркальному озеру, сочинил ностальгическую мелодию и попросил меня написать что-нибудь в том же духе.

Мелодия «Шуйлун инь»

В густой ночи садится странник в челн,
спугнув гагар, ночующих на плесе.
Свисает лотос с весел,
фонарь дрожит в наплывах волн,
прохладу ночь приносит.
Бодрит вина кувшин,
и сей реки теченье
взывает к возвращенью.
Пора уж мне в свой Маолин[89],
где в одинокой келье
любви томленье
споет свирелью.

Перстов не хватит дни разлуки счесть.
Свиданья весть
сороки принесут.
И ветвь коричная у врат
хранит свой аромат,
пока рука с рукой не съединятся тут.
Моя душа – порывами полна,
десятилетье – в грезах сна
о встрече этой.
Как сказано у Се-поэта[90],
довольно поблуждал по свету,
взгляни, как ослепительна луна[91].

В канун Нового года в Юэ взволновали меня звуки флейт и барабанов.

---

[86] Вероятно, это намек на разгром сунской армии вторгшимися чужеземцами в 1127 г.

[87] Аллюзия к Ян Синю (рубеж 4-5 в.), который бережно хранил свой халат с надписью, сделанной знаменитым каллиграфом Ван Сичжи. Гуси традиционно – переносчики писем.

[88] Мелодию «Цилян фань» («Уныние обволакивает») Цзян Куй сочинил в 1191 г. в Хэфэй.

[89] Поселение, где в старости жил поэт Сыма Сянжу.

[90] Поэт 5 в. Се Чжуан.

[91] Написано в 1193 г. Зеркальное озеро: у города Шаосин, совр. пров. Чжэцзян. Хуан Цинчан – друг поэта.

Мелодия «Линлун сы фань»

Ночь холодная. Дробь барабанная.
Фонарики вешают. Весна ранняя.
Дел-то тьма, и к сроку поспеть пора.
Что-то бродяжничать стало лень,
грустно думать о том, что есть, что было вчера.
Так же оды свои напевал Цзян Янь[92],
полон скорбей,
провожая к южному брегу друзей.
В бесконечной земной круговерти
тебе сто лет лишь дано до смерти,
и те накрыла печали тень.

Тракт янчжоуский – там все могло приключиться:
кто-то лошадь менял на девицу[93],
дивы из окон игриво сверкали очами.
И все испарилось, как хмель ночами,
как сладость жизнью разбитой грезы.
Все прекрасные мои поэзы –
что мне дали?
Скитания по дальним далям.
Я так скажу: коль весна возвратится вспять –
лучше цветы в сопутники взять[94].

На сливах снег лежит безбрежно.

Мелодия «Иншэн жао хунлоу»

Весной года цзя-чэнь[95] мы с Пинфу[96] решили, прихватив певичку, отправиться из Юэ в У полюбоваться на сливы в Западной деревне близ Одинокого пика у озера Сиху[97]. Искусный музыкант наигрывал на свирели, а на деве были бледно-желтые одеяния.

На сливах снег лежит безбрежно,
стал стыл их дух,
а мы сплели ладони нежно.
Уж года два, как у моста я н***е*** жил.
Свирели грусть ласкает слух.

Ревнует дева к иве над водой,
ведь вешний ветер
ее в наряд оденет неземной.
Ревнует ива к талии такой,
взгляни, как взволновались ее плети.

Написано на реке Усун за пять дней до наступления года бин-чэнь.

Мелодия «Хуань си ша»

---

[92] Поэт 5 в., в следующих двух строках – реминисценция его «Оды прощания» (Бе фу).

[93] Сюжет из старинных хроник «Записи о небывальщине» (Ивэнь шилу), 4-5 вв.

[94] Мелодию «Линлун сы фань» («Колокольный звон на четыре лада»), сочиненную поэтом Чжоу Банъянем, Цзян Куй в 1193 г. транспонировал для медных колоколов, когда находился в Юэ – предположительно, в г.Шаосин (пров. Чжэцзян).

[95] 1194 г. Мелодию «Иншэн жао хунлоу» («Щебет иволг над домом веселья») сочинил Цзян Куй.

[96] Пинфу (Чжан Цзянь): близкий друг и покровитель Цзян Куя.

[97] Сиху: одно из красивейших мест Китая, находится на территории совр. пров. Цзянсу (У, Юэ – древние название этих мест); Одинокий пик, Западная деревня – локализуются близ Сиху.

Гусь оробел пред тучей многослойной,
а мой челнок, нагруженный тоской,
у Дамбы Камня[98] борется с волной.

Весенний берег зеленеет славно,
над домом сливы вытянулись стройно,
и Праздник фонарей зовет домой[99].

Всем разлукам на свете приходит свой час.

Мелодия «Цзян мэй инь»

Зимой года бин-чэнь[100] я жил в Лянси[101], предполагая поехать к югу от реки Хуайхэ[102], но не случилось. И тогда был мне сон, о котором и написал.

Всем разлукам на свете приходит свой час.
Чуть на сливу взгляну –
так тебя вспомяну.
В дремах смутных не раз
мы встречались, в ладони ладонь.
А в прошедшей ночи без тебя был мне сон,
одинок, я слонялся устало,
не заметив, как стало
ледяным одеяло.

Запечатал с тоскою слезницу разлуки.
Мои струны тихи,
неподвижны колки,
и закат в переулках,
где бродили мы с девой,
озаряет лишь старое древо.
Не сбылось то, что грезилось мне, –
прогуляться с тобою в челне.
Хуайнаньские песни[103] – допеты…
Но луга вновь цветами одеты.
И в пути я опять,
только слез – не сдержать.

Цветка прелестного нет боле у эстета.

Мелодия «Гэ си мэй лин»

Зимой года бин-чэнь[104] покинув Уси[105], я написал эту аллегорию

Цветка прелестного нет боле у эстета.
Унес поток,
упала тень, отгородив от света.
Где отыскать мой перл-цветок?

---

[98] Каменная дамба около древнего моста в Сучжоу. Река Усун сейчас называется Сунцзян.

[99] Новогодний Праздник фонарей. Стихотворение написано в начале 1196 г.

[100] 1196 г.

[101] Район около совр. города Уси, пров.Цзянсу. Там находилась усадьба Чжан Цзяня, покровителя поэта.

[102] Подразумевается г. Хэфэй, где жила возлюбленная поэта, с которой он расстался в 1191 г.

[103] Аллюзия к стихам правителя княжества Хуайнань и философа Лю Ань (2 в до н.э.), а также намек на завершение романа поэта с возлюбленной, жившей на территории Хуайнань.

[104] 1196 г. Мелодию «Гэ си мэй лин» («Песенка о сливе на том берегу») сочинил Цзян Куй.

[105] Город в пров. Цзянсу.

Под плеск весла ты тучкой сна слетела
на миг ко мне…
Вотще ищу, гора осиротела,
лишь зимородок плачет о весне.

Весла колышут кувшинки.

Мелодия «Цин гун чунь»

В последний день года синь-хай[106] *я простился с Затворником Каменистого озера*[107] *и направился в Усин*[108]*. Снежной ночью миновал Радужный мост над рекой Уцзян. […] А через 5 лет зимой мы с Юй Шанцином, Чжан Пинфу и почтенным Гу Пяо*[109] *поплыли от гор Фэн и Юй*[110] *к реке Лян*[111]*. Прошли по реке Усун мимо остывших гор, тянувшихся к горизонту, в полночь наорались в пролете Радужного моста. Звезды смещались вниз, рыбаки зажгли фонари. Мы дрожали в порывах северного ветра, и вино не могло согреть. Почтенный Пяо завернулся в одеяло, а мы принялись сочинять стихи и петь их…*

Весла колышут кувшинки,
плащ намочили дождинки,
небом владеет вечерняя грусть.
К чайкам тянусь.
Дружески машут ответно,
но улетают от странника к веткам.
Что ж, возвращусь
в сиром челне в эту муть,
тучи клубятся, как дым…
Встретиться тяжко с былым,
горы – как будто сурмленые брови,
больно до крови.

В знобкой речушке весенних цветов,
старец, сплясать я готов
или напеть. Да кому?
Радужный мост заката,
челн мой уходит во тьму –
вот вам и жизни трудная страда.
Опохмелюсь – и вперед,
думой томясь.
Может, сережка твоя блеснет?
Где ты сейчас?
Грустно к перилам склонился старик:
был я с тобой – лишь миг.

Тоска юйсинева стиха.

Мелодия «Цитянь лэ»

---

[106] 1191 г. А стихотворение написано в 1196 г.

[107] Поэт Фань Чэнда.

[108] Хучжоу, пров. Чжэцзян.

[109] Друзья поэта.

[110] Пров. Чжэцзян.

[111] Пров. Цзянсу.

В год бин-чэнь[112] *мы с Чжан Гунфу, бражничая в доме Чжан Дакэ*[113]*, услышали пение сверчка под стеной. Гунфу решил, что надо написать об этом стихи и спеть их. Он закончил первым, и станс был прекрасным. Медитируя, мы бродили по жасминовому саду, смотрели на осеннюю луну и сочиняли. Сверчков в городе именовали «подгоняющими ткачих» и устраивали для них состязания. Любители отваливали за сверчка по 200-300 тысяч монет и держали в коробах, украшенных слоновьей костью.*

Тоска юйсинева стиха[114]
на грусть похожа шепотка
цвирикающего сверчка
везде – от влажных врат дворца
до мшистых к***а***мней студенца.
Его кручина столь грустна,
что сирой ночью не до сна
ткачихе у станка[115].
Средь гор, что на картине в спальне,
она совсем одна, и так душа печальна!

Но отчего капель за тьмой окна
созвучна стрекоту сверчка
и стуку мерному валька?
Встречают осень с ним в корчмах
и под луною во дворцах –
везде, где на душе лежит тоска.
Об этом – строки древнего стиха[116],
и лишь голыш наивный у плетня
смеется, увидав сверчка.
А уж моя печальная струна
тем более горька.

С другом взяли зелья жбан.
Мелодия «Юэся ди»

С другом взяли зелья жбан,
за ночь слива вдруг опала –
ливень, ветер, ураган.
Где-то птичка щебетала.
Нежный пестик поклевала
и из сада улетела.
Всех весна изящно приодела,
только, сделанные мастерски,
разлохматились стежки,
облетели бусинки-цветки.
Крепко заперты врата,
не войти уж мне туда.

---

[112] 1196 г.

[113] Чжан Гунфу: поэт; Чжан Дакэ: его брат, жил в г. Линьань (совр. Ханчжоу).

[114] Юй Синь: лирический поэт 6 в.

[115] Распространенный образ в поэзии: жена шьет уехавшему мужу одежду, грустя в одинокой спальне.

[116] «В седьмую [луну] – мы в поле сверчка найдём, / В восьмую – сверчок уже здесь, под крышей. / В девятую он заползает в дом, / В десятую – он под постелью слышен!» («Шицзин», пер. А.А.Штукина).

Вот
здесь мы и гуляли,
к иве тут уздечку привязали,
попугай меня как будто признаёт.
От былого сна очнулся я,
где ты, тучка легкокрылая моя?
Расспроси, поэт, касатку под стропилами –
где она сейчас, танцорка милая?
Знать юнцу бы ране,
что любовь обманет
и весна пустою станет[117].

Одиннадцатой ночью новогоднего месяца любуюсь фонарями.

Мелодия «Чжэгу тянь»

Народу просто тьма на площадях,
все ждут парада фонарей, ржут кони.
Седой анахорет, один, изгоем
тащу девчушку на своих плечах.

И фонарей немало,
и так луна сияла…
Но старцу грусть то, что юнцу – отрада.
На берегу прохладно к ночи стало,
гулякам, видно, расходиться надо[118].

И был мне сон на Новый год.

Мелодия «Чжэгу тянь»

Теченью Фэй-реки[119] предел не ведом…
Зачем взлелеял я любви неволю?
Уж не такой, как с давнего портрета,
вошла ты в сон, разбитый птичьим воплем.

Весна не расцвела,
а голова бела,
в разлуке долгой даже боль ушла.
Но чьей-то волей в праздничной тиши
летят друг к другу наши две души.

В первый вечер новогоднего Праздника фонарей остался дома.

Мелодия «Чжэгу тянь»

Фонарики готовили вчера,
не замечая, что уж зреют почки.
А вот сегодня погулять пора,
да, кажется, похолодало к ночи.

И занавесь недвижна,
луна все ниже, ниже…

---

[117] Написано в 1197 г. Поэт вспоминает свою былую любовь, с которой они расстались 6 лет назад.

[118] Написано в 1197 г.

[119] Река Фэй берет свое начало на склонах горы близ г. Хэфэй, где жила возлюбленная поэта, с которой он расстался в 1191 г., а это стихотворение написал через 6 лет – в 1197 г.

Любовь моя осталась в стансах давних.
Фонарик-лотос гаснет близ утра,
а за окном – соседкин смех забавный[120].

В шестнадцатую ночь нового года вышел из дома.

Мелодия «Чжэгу тянь»

В блудилище вдоль тракта все зашторено,
там тысячи свечей колышат тьму.
Влететь туда бы ветерком задорным!
Поймут ли, что я был и есть – Ду Му[121]?

Всяк в эту ночь
побуйствовать не прочь!
К утру по персикам пройдет весенний бум,
гуляки разбредутся, стихнет шум.
Луне одной поверю грусть тоскливых дум[122].

Пою пион.

Мелодия «Цэфань»

Весна кончается. Уныло.
Хоть тут, в Янчжоу, задержись на миг[123]!
Заморосило,
бутоны – кисти, что рождают стих.
А над десятками мостов[124],
как феи, тучи зыбки.
С полуулыбкой
пион раскинул свой изысканный покров.

Пузаны-лепестки, тонки,
танцуют с ветром томно.
Ну, кто же вспомнит,
что у меня седы виски,
предложит яства и бокал наполнит?
Но неизбежен день,
когда цветы закроет листьев сень,
и, как пиит во время оно[125],
я воспою в тиши пионы[126].

Стихи к подлунному ручью в саду семейства Цянь.

Мелодия «Мо шаньси»

Я чаек гость, лесные дали
хранят следы моих сандалий.

---

[120] Написано в 1197 г. В стихотворении речь идет о новогодних празднествах: «вчера» – это подготовка фигурных фонарей (см. «Одиннадцатой ночью новогоднего месяца любуюсь фонарями»), «сегодня» – пятнадцатый день первого месяца, канун Праздника фонарей, веселая ночь (именно в этот день 6 лет назад он расстался с возлюбленной, и ему не до радостей жизни; см. также «И был мне сон на Новый год»), а назавтра поэт попытался влиться в гуляющую толпу (см. «В шестнадцатую ночь нового года вышел из дома»), но грусть не оставила его.

[121] Крупный поэт 9 в. Здесь – самоназвание: кто поймет, что пришел к ним поэт?

[122] Написано в 1197 г. Шестнадцатая ночь – это вторая ночь новогоднего Праздника фонарей.

[123] Из цветников Янчжоу весна уходила позже обычного.

[124] Янчжоу издревле славился своими 24 мостами.

[125] У поэта 11 в. Лю Баня была не сохранившаяся серия стихов о пионах.

[126] Написано в 1202 г.

Роняют беспросветно ивы тень,
которые в тот день
с почившим вместе мы сажали.
В осиротевшем павильоне
сгустилась горькая тоска,
поникла лотосова крона,
заледенели облака,
зажаты радугою небосклона.

Года промчались,
и мне не спеть вам новых песен.
Сей сад чарующе прелестен,
но здесь давно звучали
окрестных гор мелодии печали.
О вас я воздыхаю много лет,
но слышит только этот дивный парапет.
Конца моим поэзам нет,
один в челне,
все, что во мне, вверяю лишь луне[127].

В шутку – Пинфу.

Мелодия «Шаонянь ю»

Пара черных бровок – мотыльки,
да власы не собраны в пучки.
Дом ее – в далекой глухомани.
Из объятий выскочила мамы,
бросилась скорей за муженьком,
чтобы Персиковым стать листком[128].

Дева села в легкий челночок
уплыла поспешно с мужем,
приютил в ночи их ближний ручеек.
Ивы с берега свисали,
у стены цветы раскрыли груши…
Что там было, лишь они и знали[129].

Я помню челн и лотосово пламя.

Мелодия «Няньну цзяо»

Я гостевал в Улине[130], к северу от озера, где стояла тюрьма. Ветхие стены окружала канава и дерева, уходящие к небесам. Как-то мы с парой приятелей завели туда лодку, будто в какой-то запредельный мир, и выпили. Осень была засушливой. Листы лотосов тянулись ввысь, и мы расположились под ними так, что они затеняли солнце. Легкий ветерок покачивал листья. В просветы проглядывали нечастые прогулочные лодочки. А еще я бывал в Усин[131]. И плавал по ночному Сиху[132], это было волшебно. Так и возникло это стихотворение.

---

[127] Написано в 1202 г. Цянь – вельможа, у которого поэт гостил не раз, и вновь приехал уже после его смерти.

[128] Аллюзия к Таое (Листок персика), любимой жене известного каллиграфа Ван Сичжи (4 в.).

[129] Время написания не известно. Пинфу (Чжан Цзянь): близкий друг и покровитель поэта. Шуточное стихотворение написано для Пинфу, решившего взять наложницу.

[130] Район на территории совр. пров. Хунань. Время написания стихотворения не известно.

[131] Город на территории совр. пров. Чжэцзян.

[132] Одно из красивейших мест Китая (совр. пров. Чжэцзян).

Я помню челн и лотосово пламя,
тогда
утицы беззаботно плыли с нами
по тридцати шести озерам и прудам[133].
А чашечка цветка – что перстенек,
ее качает ветерок
и омывают капли с тростника,
струят нектары.
И обольстительные чары
влетают в плоть моих стихов.

В час темноты
листы восстали, как зонты,
головка скрылась милая моя.
Неужто снова в путь отправлюсь я?
Как горько знать, что сей наряд изящный
сомнет на лотосах ветрило вящий.
Тень высоченных тополей
и струйки рыбьих пузырей
влекут меня в цветник блестящий.
Ах, лотосы, здесь столько вас!
На этот плес я возвращусь не раз.

[133] Саньшилюби (36 водоемов): топоним около г. Янчжоу; также образ обширного водного пространства.

Китайские названия стихотворений

姜夔词选

1176
扬州慢·淮左名都
1186
探春慢·衰草愁烟
湘月·五湖旧约
眉妩·戏张仲远
翠楼吟·月冷龙沙
霓裳中序第一·亭皋正望极
一萼红·古城阴
八归·湘中送胡德华
小重山令·赋潭州红梅
浣溪沙·著酒行行满袂风
约 1186-1191
忆王孙·冷红叶叶下塘秋
1187
杏花天影·绿丝低拂鸳鸯浦
点绛唇·丁未冬过吴松作
踏莎行·燕燕轻盈
惜红衣·枕簟邀凉

1189
浣溪沙·春点疏梅雨后枝
琵琶仙·双桨来时
鹧鸪天·京洛风流绝代人
1191
暗香·旧时月色
疏影·苔枝缀玉
浣溪沙·钗燕笼云晚不忺
淡黄柳·空城晓角
玉梅令·疏疏雪片
秋宵吟·古帘空
解连环·玉鞭重倚
长亭怨慢·渐吹尽枝头香絮
凄凉犯·绿杨巷陌秋风起
点绛唇·金谷人归
1193
水龙吟·黄庆长夜泛鉴湖有怀
　　归之曲课予和之
玲珑四犯·越中岁暮闻箫鼓感怀

1194
莺声绕红楼·十亩梅花作雪飞
1196
江梅引·人间离别易多时
鬲溪梅令·好花不与殢香人
齐天乐·庾郎先自吟愁赋
庆宫春·双桨莼波
浣溪沙·丙辰岁不尽五日吴松作
1197
月下笛·与客携壶
鹧鸪天·正月十一日观灯
鹧鸪天·元夕有所梦
鹧鸪天·元夕不出
鹧鸪天·十六夜出
1202
侧犯·咏芍药
蓦山溪·题钱氏溪月
无定期
少年游·戏平甫
念奴娇·闹红一舸